

В 2017 году в России отметят столетие Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в 2017 году исполняется 30 и 50 лет двум пленумам ЦК КПСС 1987 и 1967 гг., на которых партийная номенклатура окончательно предала идеалы коммунизма и совершила отказ от социалистического строительства в СССР. Оба пленума есть ни что иное как слабые манёвры в сторону построения в СССР капиталистического общества. Это наводит на мысль о том, что Глобальный Предиктор, используя алчность и непонимание глобального управления советской послесталинской «элиты» и её желание передавать свой элитарный статус по наследству, их руками разрушил СССР.

Ниже приводим стенограмму беседы политолога А.И Фурсова с историком Н.И.Кротовым.

ИАС КПЕ

Тайна двух пленумов или 20 лет, разрушившие СССР

"Распад СССР – это крупнейшая геополитическая катастрофа века"
В.В.Путин

В [июне 1987 года состоялся Пленум ЦК КПСС](#), который подписал смертный приговор советской экономике и, следовательно, советской системе и Советскому Союзу.

В июне 1967 года другой июньский пленум ЦК КПСС, по сути дела, заблокировал реальный переход от системного антикапитализма к пост-капитализму, то есть к коммунистическому обществу. Номенклатура прекрасно поняла чем это ей грозит и заблокировала этот переход.

В июне 1957 года произошло решающее столкновение и тоже на пленуме ЦК КПСС между Хрущёвым и его соратниками и так называемой партийной группой и примкнувшим к ним Шепиловым.

В июне 1937 года на пленуме Сталин попытался продавить идею альтернативных выборов в Советском Союзе и потерпел поражение. Притом, что все даты очень интересные, сегодня мы сконцентрируемся на двух последних на пленуме 1985 года и на пленуме 1967 года. И говорить об этом будем с [Николаем Ивановичем Кротовым](#), историком, уникальным специалистом по финансово-банковской системе Советского Союза и Российской Федерации.

Фурсов: Первый вопрос сходу. Какие решения были приняты на июньском пленуме 1987 года, после чего процесс разрушения советской системы и Советского Союза стал практически необратимым?

Кротов: Практически никто не был удовлетворён этим пленумом. По двум причинам: 1) С одной стороны известный человек [Евгений Ясин](#) не удовлетворён тем, что не удалось реализовать многие идеи, которые пытались на этом пленуме провести. 2) С другой стороны, люди, которые относятся к другому блоку считают, что пленум положил конец перестройке и с него началось реальное изменение общественного строя. Причём, если говорить об этом пленуме нужно вспоминать и предшествующие события. В январе 1987 года прошёл Пленум по кадрам, на котором было принято решение по очень многим политическим действиям,

которые будут реализованы в ближайшую пару лет. На январском Пленуме членом политбюро стал [Яковлев А.Н.](#), который практически готовил тот пленум. После этого началось активное давление с целью изменения экономической, в том числе общественной системы страны.

Фурсов: Ставится на шахматную доску фигура Яковлева и начинается давление в сторону экономических изменений катастрофического для Советского Союза характера?

Кротов: Скорее, пешку, которая до того времени была Яковлевым, провели в ферзи. И не случайно Яковлев оценивая результаты январского и июньского Пленумов, говорил, что перестройка, в том виде в котором она задумывалась апрельской революцией, закончилась. Начались изменения социального строя. Сразу после января произошло несколько важных событий. Во-первых, была создана комиссия по совершенствованию управления. Возглавил её формально [Тихонов Н.А.](#), реальным руководителем был [Рыжков Николай Иванович](#). При нём был создан учёный совет, который возглавлял [Гвишиани Джермен Михайлович](#), известная фигура, зять Косыгина.

Фурсов: И контактёр с [Римским клубом](#), директор ВНИИСИ (Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований), и контактёр с МИПСА (Международный институт прикладного системного анализа), венским институтом прикладных систем (см. [статью](#))

Кротов: Фигура удивительно интересная, забытая немного.

Фурсов: Он - классический интерлокер был, то есть человек, который связывал разведсообщества с экономикой, Партию и ГБ, наших с не нашими. Когда смотришь на такие фигуры не понятно кто для них наш, а кто не наш.

Кротов: Абсолютно верно. Такие люди-космополиты в классическом стиле.

Фурсов: Если просто говорить, оборотни без погон.

Кротов: Тогда к нему в комиссию зашли большое количество учёных, которые в дальнейшем стали очень известными: это и [Абалкин Л.И.](#), и [Петраков Н.Я.](#), и [Анчишкин, Шаталин, Богомолов Олег Тимофеевич](#). Иногда туда приходил и [Гавриил Попов](#), который сумел втащить туда идею командно-административной системы - его любимая формулировка, которая прошла по первым документам. В это же время выходит знаменитая статья «[Где пышнее пироги](#)», она вышла в мае в «Новом мире», была подписана Попковой, но это была знаменитая [Пияшева](#). В статье давался конкретный вывод, что пироги лучше там, где больше рынка. После этого сразу выступает Шаталин. Я его процитирую: «*Рыночный социализм означает, что все ресурсы в стране определяются рынком и только им. Но если так, то тогда фактически не существует политического устройства характерного для социализма. В таком случае это будет плохой или хороший капитализм и ничего больше так что рыночный социализм — это безграмотная утопия*». Это было сказано в мае в статье в «Аргументах и фактах» в 1987 году.

Фурсов: Понятно о чём говорил Шаталин: не нужен нам социализм.

Кротов: Он говорил о том, что все попытки и Горбачёва и Абалкина, которые они с умеренных позиций старались продемонстрировать, они исключительно делаются для того, чтобы закамуфлировать реальные идеи.

Фурсов: Также как в другой статье Пияшева, она же Попкова, говорила «нельзя быть немножко беременной». Речь шла о том, что надо определяться, социализм или капитализм. Хватит морочить голову.

Кротов: Абсолютно верно. Первый вариант доклада на пленуме был очень радикален, настолько радикальный, что Рыжков объявил о том, что он подаст в отставку, если он пройдёт. Практически, как говорил [Гайдар](#), на этом пленуме то, что реализовали в январе 1992 года с либерализацией цен, с полной ликвидацией планирования и всеми остальными «прелестями». Тогда всё-таки политбюро разделилось. Было радикальное крыло, которое представляли люди [Шеварнадзе Э.А.](#), [Медведев В.А.](#) Это люди, которые никакого отношения к экономике никогда не имели, ничем не руководили. И второй блок — это [Слюньков Николай Никитович](#), который был секретарём по экономике (в то время было два человека отвечающих за экономику, Слюньков и Рыжков, туда [Воротников Виталий Иванович](#) относился и несколько других людей). Поэтому не решился Горбачёв использовать этот вариант. Кстати, и Абалкин подтверждает, что такое решение было, но по их предложению отпустить цены должны были только на товары более дорогие, например, автомобили. Не прошло. Там еще важное событие было. В мае месяце был [Руст](#) (см. [полет Матиаса Руста](#)).

Фурсов: Что позволило снять ту часть военной верхушки, которая была против сдачи внешнеполитических позиций.

Кротов: Была блестяще проведена артиллерийская подготовка. Было ещё важное событие — выступил накануне Пленума на Политбюро [министр финансов Борис Гостев](#) и рассказал страшные истории о состоянии нашего финансового рынка. Он объявил цифру в 300 млрд рублей дефицит нашего баланса, что явно не реальная цифра, взята с потолка. Островский Николай Александрович блестяще разобравший историю этого пленума, считает, что это была подготовленная акция для того чтобы сломить сопротивление членов политбюро, которые не были за радикальное решение.

Фурсов: Есть некоторое противоречие. С одной стороны в общем-то очень недалёкие люди вроде Горбачёва, Рыжкова и ещё какие-то, а с другой стороны совершенно чётко выверенная полугодовая операция по подготовке пленума, который должен был снести советскую систему. Тут тебе и Руст, и фальшивка по поводу дефицита бюджета, тут тебе и кадры, то есть это — ига больших мастеров.

Кротов: И плюс к этому. Шаталин с такой фразой выступил, то идеологический отдел ЦК (у нас цензура существовала) не мог не пропустить. Там ещё было большое количество публикаций Попковой и т. д. Эта была большая идеологическая подготовка.

Фурсов: Я очень хорошо помню в первой половине 1987 года наша демократическая пресса как будто с цепи сорвалась и начался такой накат, дальше шло количественное увеличение...

Кротов: В 1987 году никто сорваться с цепи не мог. С цепи могли только отпустить.

Фурсов: Совершенно верно, но внешне это выглядело как будто... Хотя вы знаете, когда был этот знаменитый съезд кинематографистов, в каком году?

Кротов: Это позже, это уже следующий год.

Фурсов: Позже, но там очень интересная вещь была. [Элем Климов](#) вспоминает, когда закончился съезд и когда они разгромили всех сторонников советской власти, Климов как-то растерявшись, сказал: «*Что же мы наделали?*» и ему ответили: «*Вы наделали?! Это мы наделали!*». Действительно их спустили с цепи.

Кротов: В августе 1987 года проходил съезд неформалов в Москве. Собралась публика, которая в достаточной степени претендовала на свободолюбие, и когда [Новодворская](#) выступила и сказала, что нам надо создать вторую партию, в зале повисла мёртвая тишина. Люди посматривали на двери и ждали, когда войдут люди всех арестовывать. Только после того, как один остроумный человек произнёс, что две партии нам не прокормить, все засмеялись, это сняло напряжение. По поводу квалификации, действительно, мне рассказывал помощник Слюнькова, что в то время Рыжков ходил по зданию ЦК и постоянно носил с собой книгу Ленина «О кооперации». Он даже не мог себе представить, что Ленину кооперацию пришлось делать из великолепно развитой дореволюционной капиталистической, превращать её в социалистическую. А по закону «О кооперации», её надо было создавать с нуля, потому что Хрущёв всю кооперацию уничтожил. Он (Рыжков) даже не мог понять разницу.

Фурсов: История, которую вы мне рассказали очень напоминает финальные строки романа Герберта Уэллса «Человек-невидимка». После гибели человека-невидимки полицейские и Кэмп пытались добиться у хозяина гостиницы, где останавливался Гриффин, тетради остались какие-то или нет. И хозяин гостиницы говорил: «Нет, нет. Тетрадей никаких не осталось». Но дальше Уэллс пишет: «*Но иногда, зимними вечерами занавесив занавесками окна хозяин доставал тетради и начинал листать тетради и говорить: «Чёрточка, два, плюс три. Вот это голова была!».* И закрывал тетрадь». Так вот, Николай Иванович Рыжков мне напоминает этого с «Кооперацией» Ленина. Удивительная вещь! Ведь даже здравый смысл отказывал. Другая эпоха и Николай Иванович не мог не знать, что нет у нас кооперации. Разгромлена!

Кротов: Боюсь, что мог.

Фурсов: Зачем тогда с Лениным ходил тогда подмышкой?

Кротов: Это демонстрировало его лояльность, а с другой стороны придавало значение каждому его слову. В то время очень популярно было по всем случаям использовать цитаты из Ленина. [Геннадий Меликьян](#) мне рассказывал в 1990 году, он был потом министром труда, написал закон об акционерных обществах и на политбюро на комиссии они отчитывались о том, чего достигли. Закон был куцый, простой. В то время что такое акции у нас никто не представлял. И вдруг встаёт Бирюкова-секретарь и спрашивает почему вы ввели в ваш закон привилегированные акции? Горбачёв Михаил Сергеевич всё время выступает против привилегий, и поэтому кто вам разрешил? Объяснить ей, что привилегированные акции — это обычная западная практика было невозможно.

Фурсов: Это по принципу: дверь — это прилагательное, потому что она прилагается.

Кротов: Вернёмся к нашему Пленуму. Пленум сделал несколько вещей. Первое. После пленума стандартно всегда проходил Верховный Совет, на нём был принят по решению Пленума закон о государственных предприятиях, через некоторое время было принято 11 постановлений в том числе несколько чрезвычайно важных. Это было постановление о реформировании Госплана. Вообще идея была достаточно важная, предлагалось отказаться от системы директивного планирования и ввести некоторые ключевые контрольные цифры, которые нужно было исполнять. Более того, это постановление практически предлагало ликвидировать Госснаб и перейти к системе товарных бирж. При отсутствии Госснаба снабжение тогда передавалось практически Госплану — это был естественный следующий шаг. Важное было изменение в области реформирования Минфина.

До Рыжковского руководства, до июньского пленума система финансовая строилась таким образом, что с любого предприятия вне зависимости от его хозяйственных показателей оговорённая сумма налога снималась и иногда даже из оборотных средств. Поэтому бюджет был всегда фиксированным. При Рыжкове после пленума стала система, зависящая уже от хозяйственных показателей. После этого сразу появилась проблема наполнения бюджета. Очень важное изменение проташенное Гвишиани было связано с Комитетом по науке и технике. Увеличились его полномочия. Очень важные изменения произошли в реформе банковской системы. Было принято решение о создании шести спецбанков: гострудсберкассы были преобразованы в Сбербанк, создан Внешэкономбанк на базе Внешторгбанка, был создан на базе Стройбанка Промстройбанк, был создан Жилсоцбанк, и Росагробанк. Была полностью изменена система внутренней структуры.

Что такое до этих изменений представляла банковская система? Это был единый Госбанк с 5500 отделений и единая система МФО, филиальных оборотов. В этой системе это была большая общесоюзная тумбочка. Из неё ничто не могло пропасть. Каждый год каждое отделение проводило сведение расходов и доходов. Система действовала таким образом, что если кому-то нужны были деньги, то он брал из этой тумбочки, а потом возвращал. Когда появились спецбанки, у них появились собственные финансы. Ввели ещё хозрасчёт у банков. И получилось, что на этой тумбочке одной семьи стала коммуналка. И в это тумбочку стали залезать люди, которые имели к ней отношение опосредованное. А если учесть, что по закону «О кооперации» были созданы первые коммерческие банки в августе 1988 года, то тут банковская система запуталась окончательно.

Но всё-таки три главных закона, которые на мой взгляд, больше всего разрушили нашу систему, следующие:

1. Закон о государственном предприятии. Предприятие уже не планировало, как раньше директивно все показатели, оно отбирало некоторые показатели, у него был госзаказ. Всё остальное оно планировало само. Второе очень важное — был полный хозрасчёт и полное самофинансирование. Воротников возмущался, но его не слышали. Он как председатель Совмина РСФСР великолепно знал истинное положение многих предприятий, он понимал что если убыточные предприятия перевести на хозрасчёт, то это приведёт либо к банкротству, либо к резкому завышению цен для того чтобы вытащить это предприятие до самофинансирования. Третьим было социалистическое самоуправление. Оно подразумевало то, что начиная с предприятия и кончая бригадой стали вводить производственную демократию. Это выбор директоров и т. д. Там были возможности в вышестоящей организации остановить это, но этим боялись пользоваться. Следующим было взаимоотношение с вышестоящими органами — вертикальная связь была потеряна,

рушилась управленческая вертикаль, наступал хаос. Дальше — снабжение по прямым связям и целая серия других вещей.

Фурсов: Николай Иванович, а вот разрешение предприятиям выхода на мировой...

Кротов: Тогда ещё не было. Внешние экономические связи были только для очень крупных предприятий. Они могли выходить по разрешению, монополия [государства] ещё не была разрушена. Были созданы дырки в виде совместных предприятий.

Фурсов: В какой-то момент, в 1989 году уже когда начался выход предприятий на мировой рынок, возвращались доллары, которые менялись на рубли и эта огромная рублёвая масса ничем не отоваривалась и люди покупали то, что долго храниться: соль, стиральные порошки, мыло и начался дефицит, который уничтожил потребительский рынок.

Кротов: Дефицит начался уже в 1988 году. Это связано в первую очередь с законом о предприятии. Что произошло после принятия этого закона и следующего закона о кооперации в мае 1988 года. Кооперативы поставили в совершенно в особые условия. Это были негосударственные предприятия и они могли не обращать внимание на те указания, те ограничивающие положения, которые госпредприятие должно было ещё соблюдать. Оно не обязано отчитываться, цену держать. Поэтому при всех предприятиях стали создавать, как бы сейчас сказали, аффилированные предприятия, а тогда — кооперативы. Руководство предприятия создавало ряд кооперативов, через которые отправляли самые важные лучшие заказы. После этого резко увеличились цены плюс к этому кооперативы начали изымать из госторговли предметы, перерабатывать и делать собственные вещи и после этого с середины 1988 года появился знаменитый дефицит. А если учесть, что ещё продолжалась борьба за трезвость и падение цен на нефть, то это практически добило структуру.

Ещё очень важно отметить, что был принят закон об аренде. Вроде как безобидный. До этого у нас арендные предприятия существовали - арендный подряд до 1987 г. В чем была его разрушительная особенность? Абалкин считался одним из главных авторов. Ясин: *«Нам в годы перестройки нужно было иное. Сохранив социалистическую благопристойность, то есть государственную общенародную собственность на средства производства повысить мотивацию использующих её людей, трудовых коллективов. Отдать им предприятия фактически не делая это юридически. Поэтому предприятие было определено как имущественный комплекс (о чём потом пришлось немало мучаться) тогда его целиком оказалось возможным сдать в аренду. Появилось понятие арендного предприятия.»* То есть это был переходный период. Нигде в мире такого не было, чтобы в аренду сдавали предприятия, когда одну компанию сдают в аренду другой компании. Поэтому и придумали имущественный комплекс. И было записано, что арендаторы имеют право выкупа. То есть бралось предприятие, а потом оно выкупалось по остаточной стоимости за копейки уже новыми арендаторами. Это в советское время. Благодаря этому фактически прошла приватизация. Де-факто приватизация. Там было большое количество таких предприятий, порядка нескольких тысяч, но людей работало там миллионы. Аренда создала возможность идеологически не нарушая, держа красивую мину, делать то, что в принципе планировалось.

Фурсов: То есть закон о кооперации, закон об аренде и закон о госпредприятии. По вашему мнению эта тройка законов сломала хребет советской экономике, а вместе с экономикой советскому обществу. Я так понимаю, что ни Горбачёв, ни Рыжков не понимали последствий своих действий.

Кротов: Горбачёву возможно объяснили что это значит. Потому что, если помните, осенью в октябре месяце (что-нибудь сотворят, а потом едут в регионы смотреть реакцию) Горбачёв поехал в Ленинград и там сказал, что нас ждёт трудное время и вам как блокадникам придется пережить очень много, но вы должны выдержать. Сразу после этого была в следующем году XIX партийная конференция, которая добила все идеологические...

Фурсов: и организационно-партийные. По сути дела она до ещё отмены 6-й статьи лишила КПСС очень многих функций.

Кротов: Да. Там был красивый лозунг «Вся власть советам», были созданы советы...

Фурсов: И ещё, если вы помните, там тема такая была: рекомендовано на конференции чтобы председателями советов становились первые секретари. Хитрость в чём заключалась? Что сначала тебя выбирают как председателя рай- обл- или горсовета, но тебя выбирают не только партийные, но и безпартийные. Партию сжимали и сверху и снизу

Кротов: Помните знаменитую фразу тогда, когда Горбачёв выступал в Новосибирске: «*Всё плохое, что происходит, происходит на среднем партийном уровне, вы давите на них снизу, а мы будем давить на них сверху*». Уничтожение практически иерархии. На конференции был создан съезд, как постоянно действующий. Там были выборы на альтернативной основе, выдвижение кандидатов от общественных организаций. Фактически мы выбираем всех, но для себя делаем некое заднее крыльцо. Межрегиональная группа была принята по общественным организациям. Плюс тайное голосование Председателя Верховного Совета. Он не решился организовать прямое голосование. Это на верховном совете выбирали, но это было вскоре. 1987 и начало 1988 — это ключевые года.

Фурсов: То есть это период, когда страна прошла точку невозврата.

Кротов: Было состояние какого-то паралича. И была создана большая когорта людей, которые уже не дадут повернуть обратно. Была создана социальная база. Первые банки, большое количество кооперативов, НТТМы, которые занимались обналичкой денег — это практически большие отмывочные машины. В то время была создана вся будущая экономическая элита. Из кооперативов пришли тот же Смоленский, начинал с кооператива строительного, Ходорковский варил джинсы, у Прохорова с Хлопониным был большой кооператив, они арендовали химчистку, варили джинсы, нанимая студентов финансового института. Практически все начинали именно тогда и поэтому первые капиталы, а там ведь был налог очень удобный 3% поэтому очень многие теневики пришли для того, чтобы отмыть уже собранное. Они вкладывали как прибыль, платили 3% и деньги у них были уже очищенные.

Фурсов: Смертный приговор, который был выписан между июньским пленумом 1987 года и XIX партконференцией — это логический результат того, что произошло в 1967 году. Здесь ведь вот такая ситуация. Одна из главной слабостей советской системы заключалась в том, что будучи отрицанием капитализма на уровне производственных отношений, то есть будучи антикапитализмом советская система на уровне производственных отношений была такой же индустриальной системой, как западная, только послабее. Военно-промышленный сектор был мощный, а всё остальное было послабее. И реальное превращение из антикапитализма в посткапитализм, то есть, выражаясь партийно-идеологическим языком, в коммунизм, предполагало создание более высокого уровня развития производительных сил,

другой системы производства. Что для этого нужно было реально сделать? Нужно было создать принципиально иную систему управления и производства. Прежде всего управления. С приматом информации, то есть то что сейчас не совсем точно называется информационным обществом. Нужен был рывок в энергетической сфере: досвидание, нефть! Нужна была гарантия, что буржуины в это время не нанесут удар. Нужна была мощная, совершенная, качественно новая военная промышленность и достижения в военной сфере. Было ли это всё у Союза в первой половине 60-х годов? Конечно было.

В плане принципиально новой системы управления были наработки академика Глушкова, это ОГАС (Обще Государственная Автоматизированная Система)

Кротов: Там ещё был Китов Анатолий Иванович, который возглавлял ВЦ Минобороны...

Фурсов: Что такое была ОГАС? Это по сути была модель информационного общества. Которая делала абсолютно прозрачной всю систему. Административный рынок становился весь под увеличительным стеклом: уже не смухлюешь с планом. Это был рывок в информационное общество

Кротов: Это в будущее был рывок. Боюсь, что там не хватало ещё мощностей компьютерных.

Фурсов: Дело в том, что по компьютерам в 60-е годы мы обгоняли США по целому ряду направлений. Потом было принято решение на самом высоком уровне 1968 и 1973 года, что мы прекращаем эти работы. Логика была такая: всё, что нужно украдём, поэтому тратиться не будем. Это был рывок в будущее, который очень напугал, с одной стороны, американцев. При Линдоне Джонсоне даже была создана группа остановить Глушкова и согласно выводам этой группы если СССР реализовывал эту программу, то к 1970 году он уходил в полный отрыв. Но вторая группа, заинтересованная в том чтобы Глушков не реализовал свою систему была советская номенклатура. Прежде всего, хозяйственная номенклатура, люди типа Косыгина. Кроме того, с точки зрения партийно-идеологической реализация системы ОГАС вела к появлению того, что называется технократами. То есть, помимо хозяйственников и партocrats появлялись технократы. Это одна линия.

Что касается энергетики. Иван Степанович Филимоненко создал принципиально новые возможности в области холодного термоядерного синтеза. В начале 1967 года военно-промышленная комиссия ЦК КПСС признала, что это переворот в энергетике и медицине, однако дальше развитие это не получило.

Наконец, наш гениальный авиаконструктор Челомей В.Н. (кстати книга о нём Бодрихина ЗЖЛ вышла 2-м изданием) разработал целый ряд таких мощных установок, например, «Башмак» (см. статью википедии пока не удалили! Или фрагмент лекции Фурсова), она же называлась «Закат» - игра слов: «Закат» - это закат Америки, «Башмак» - это то, чем Хрущёв счучал... То есть в случае необходимости это было нанесение такого удара по США, после которого они сгибались пополам и больше не разгибались.

Иными словами, реализация трёх этих направлений выводила СССР в реальный посткапитализм. Но все эти три направления были угроблены номенклатурой. ОГАС спустили на тормозах, Филимоненко просто заблокировали возможность работы. У него изъяли техническую документацию, экономическую документацию и это всё было приостановлено. Логика была такая: у нас есть нефть. К этому времени часть советской

номенклатурой активно включалась в торговлю нефтью и это было не нужно. Ну а у Челоменя, как показывает Бодрихин в своей книге, были очень серьёзные проблемы в отношениях с **Устиновым** и очень многие челомеевские начинания в 1967 году были приостановлены. Затем когда пошли наши договорённости с американцами **ОСВ**: ну а зачем нам это нужно. Главным противником Челоменя был Устинов. В 1967 году на июньском Пленуме **Первый секретарь московского горкома КПСС Егорычев Николай Григорьевич** попытался приостановить накат на Челоменя. Не знаю насколько он понимал это, но если бы остановился накат на Челоменя, то полагаю, что и с Филимоненко и с Глушковым могло бы быть по другому. Егорычев предложил на пленуме провести специальный пленум по военным вопросам аргументируя это тем, что система ПВО вокруг Москвы недостаточно сильна. Он полагал, что его поддержит **Брежнев** и уж точно **Косыгин**. Ни Косыгин, ни Брежнев его не поддержали. Военные пришли в бешенство. Больше всех бесился Устинов и говорил, что он этого Егорычева по стенке размажет. Устинова активно поддержал уже тогда выступавший в связке с ним **Андропов** и из демарша Егорычева ничего не получилось. Вскоре его сняли с должности и отправили послом.

В 1967 году на июньском Пленуме номенклатура подвела черту под возможностью превращения советского общества из антикапиталистического в посткапиталистическое. То есть поразительным образом сбылись предсказания и Сталина и Троцкого. Троцкий писал о перерождении советской бюрократии из класса в себе в класс для себя, а сталинский тезис — *«По мере приближения к социализму классовая борьба будет возрастать»*. Нам очень часто говорили, что Сталин имел ввиду кулаков. Ничего подобного! Сталин имел ввиду вероятность перерождения номенклатуры. И горбачёвщина продемонстрировала со стеклянной ясностью, как номенклатура действительно перерождается. То, что вы рассказали об этом пленуме и о том, что произошло после - это и есть перерождение.

Между 1967 и 1987 годом, двадцать лет. Это время когда восторжествовала воля этой системы к смерти. В 1967 году мы не идём в посткапитализм. Естественно люди, которые с ленинской «Кооперацией» ходят в таких терминах не воспринимают реальность. Но они понимали свой шкурный интерес. Они понимали, что реализация той же системы Глушкова лишит эту группу монополии на власть. Они могут лишиться своего статусного и квазиклассового положения. Они этот путь заблокировали, то есть произошло и по Троцкому и по Сталину одновременно. В эти 20 лет мы летали в космос, мы били рекорды, а здесь тикала бомба. Росло новое поколение, поколение советских лавочников.

Кротов: Я записал несколько воспоминаний людей, детей и внуков известных лиц. Видно в каком стиле их воспитывали. Это уже не было советское воспитание. Это было совершенно особое

Фурсов: Это были дети советской номенклатуры?

Кротов: Да. А уж совсем классически это уже всё в фарс превращается. Это знаменитое деяние **Анастаса Микояна внука Микояна**, более известного как Стаса Намина, когда он как только разрушился СССР, когда заговорили о выносе тела Ленина из мавзолея, он предложил сразу коммерческую операцию. Давайте три года будем возить тело Ленина по европам и заработаем на этом 3 млрд. долларов.

Фурсов: По поводу этой группы, этих детишек Сталин не случайно в 1941 году сказал «проклятая каста». В каких обстоятельствах он это сказал. После того, как в город Куйбышев (ныне Самара) была переведена часть правительства СССР там возникла конфликтная

ситуация потому, что номенклатурные родители не хотели чтобы их дети шли в одну школу с детьми работяг города Куйбышев. Сталин об этом узнал, он пришёл в бешенство и сказал «проклятая каста» и запретил это. Но тихой сапой номенклатурные родители продавили это и их детишки учились отдельно. Но я вам должен напомнить, что в 1939-1940 годах появляются первые спецшколы у нас, то есть процесс уже пошёл тогда и не удивительно, что дети и внуки номенклатуры оказались социальными предателями дела своих отцов и дедов.

То есть система в 1967 году отказавшись от рывка в будущее... Кстати отказ от этого рывка очень чётко зафиксирован и нашей фантастике и в журнале «Техника — молодёжи», который во второй половине 60-х стал очень инертным. Он был бурным, оптимистическим в первой половине 60-х. Наша фантастика изменила тональность. Скажем, так называемые ранние Стругацкие, «Возвращение. Полдень, XXII век» и поздние Стругацкие — это совсем другое. Ефремов пишет «Туманность Андромеды», а во второй половине 60-х пишет роман «Час быка», который начинают изымать из библиотек. Естественно, раз ты отказываешься рваться в будущее, то приходит идея реформировать социализм на капиталистический лад. Происходит **реформа Либермана-Косыгина**. Причём, ясно совершенно, что в советских социалистических экономических условиях не может быть стоимости в капиталистическом плане. Поэтому реформа эта провалилась. Она сделала две вещи. Она начала создавать тот слой, у которого появились деньги — это слой советских лавочников. А второе — она продемонстрировала обществу очень простую вещь, что социализм можно спасать на капиталистических рельсах. Ведь предложение Глушкова было в том, чтобы создать социалистическое планирование более высокого уровня, а сторонники реформы «а ля капитализм», кстати многие из них потом уехали на запад, Бирман, например, они говорили, что нам не нужно планирование. Вот оно планирование не работает и действительно планирование «а ля 50-ые годы» не работало. Советское экономическое чудо закончилось, нужно было движение дальше. И это предлагал Глушков. Альтернатива — это рыночные реформы, которые в конечном счёте и привели к тому, о чём вы сейчас рассказали.

Кротов: Кстати, первые шаги ещё были сделаны при Андропове. Мне рассказывали люди, которые были близки к нему. Первое — после ноябрьского пленума 1982 года он вызвал хозяйственных руководителей министерств и дал указание: придумывайте любые изменения для экономического реформирования. Вплоть до того, что было принято решение (тогда уже) о создании коммерческих банков. Автобанк, в частности, начал создаваться на базе министерства автомобильной промышленности уже тогда, первые шаги были сделаны. А в Краснодаре был создан первый экспериментальный на базе большого агрокомбината квазибанк, который обслуживал уже не через госбанковские структуры, а через него проходила вся система финансирования. То есть эксперименты уже проходили.

Фурсов: Иными словами, советская верхушка уже с конца 60-х годов и далее всё более и более не верила в возможности той системы, которую они должны были бы развивать и защищать. В принципе, они внутренне сдали эту систему. А как говорил Тацит, проигрывает тот, кто первым опускает глаза. И в этом отношении июньский пленум 1987 года был логическим завершением того пути, на который номенклатура вступила в июня 1967 года.

Поразительно здесь с эмоциональной точки зрения то, что вроде бы в 70-е годы мы достигли военно-политического, стратегического паритета с США мы соучаствовали активно (Московский народный банк) в том что создавались евродоллары, вроде бы при внешнем благополучии, а оказалось как Ленин в апокрифе говорит жандарму: стена то гнилая, ткни и развалится. Это всё говорит о том какой в принципе жизнеспособной был

советский антикапитализм. Была ли возможность в 1967 году проскочить это бутылочное горлышко и выйти в то, что Стругацкие называли полдень XXII века?

Кротов: Не было уже к тому времени, обратите внимание, кроме Егорычева, практически не было в верхнем слое той категории, которая могла бы защитить.

Фурсов: То есть верхний слой — это были шкурники?

Кротов: Уже в какой-то степени — да.

Фурсов: И ещё одна очень важная вещь — это были люди с очень узким кругозором. Как говорил Сверчок Буратино в «Золотом ключике» коротенькие у тебя мысли. Я убеждён совершенно, что ни Брежнев, ни Андропов, ни Косыгин, они не хотели разрушения социализма. Но они полагали, что они будут сидеть вечно.

Кротов: Я думаю, что и Горбачёв на первом этапе тоже...

Фурсов: На первом тапе — да. Но Горбачёва, я думаю, интересовала власть и больше ничего.

Кротов: Если бы ему удалось её в другой системе реализовать...

Фурсов: Я помню как кто-то в воспоминаниях из наших крупных журналистов советского времени писал о том, как Подгорный обрадовался скачку цен в 1973-1974 годах. Он сказал, Этот Подгорный-доминошник (потому что очень любил играть, это и был его интеллектуальный уровень) Косыгину, что теперь нам вообще никакие реформы не нужны. Это емеля, который сядет на печь и ясно, что такие люди не могли выиграть мирового соревнования. Я не склонен идеализировать и завышать интеллектуальный и политический уровень таких людей как **Киссенджер** и **Бжезинский**, но тем не менее если поставить на одной доске Киссенджера и Бжезинского, а с другой стороны человека, который ходит с ленинской «Кооперацией», это как у Высоцкого пелось «как школьникам драться с отборной шпаной». Отборная шпана и выиграла. Но самое главное, что те, у кого они выиграли, они хотели превратиться в нечто другое, только думали, что они превратятся и будут как советское руководство играть на равных, что их посадят за один стол. Вот это — поразительное непонимание мира и в этом отношении позднее советское руководство нельзя назвать идиотами в греческом смысле этого слова потому, что по-гречески «идиот» — это человек, который живёт так, как будто окружающего мира не существует. В этом плане и 1967 и 1987 — это такие символы поразительного бессмыслия этой верхушки, которая утопила, угробила потрясающий социальный эксперимент, попытку создать общество социальной справедливости. Дело в том, что эта группа хотела, чтобы в этом обществе некоторые были справедливее чем другие.

По сути дела пленум 1987 года — это была мощная историческая операция. Она не просто экономическая. Кстати, Яковлев А.Н. незадолго до смерти подтвердил это. Он сказал, что **перестройкой мы ломали не только Советский Союз, мы ломали тысячелетнюю модель истории России.** В этом отношении Яковлев был тем, кто хорошо знал планы тех, кто эту кашу заварил очень и очень серьёзно. Остальных, по крайней мере людей первого плана, я думаю, использовали втёмную. Конечно, кроме Яковлева должны были быть люди второго, третьего уровня, рассаженные достаточно давно

Кротов: Шеварнадзе, Медведев Вадим тот же...

Фурсов: Но это — очень мелкие люди

Кротов: Гвишиани...

Фурсов: Гвишиани — более серьёзный человек. Шиварнадзе и Медведев Вадим — это даже не пешки, это так, битые фигуры. Как Солоневич сказал самодержавной России: строй сгнил. И поле, после того, как строй сгнил, оказалось открытым для мародёров, которые и хлынули в 90-х.

Кротов: Обратите внимание на судьбу тех, кто это всё организовывал, Яковлева и Горбачёва. Они были отодвинуты, как ненужные.

Источник: <https://youtu.be/ООаqqRppIc>
Андрей Фурсов